

Гусевъ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

БАЛЬЗАКА

Новое

ТОМЪ ПЯТЫЙ

БЕАТРИСА

РОМАНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія бр. Пантелеевыхъ. Вереяская, 16

1896.

PQ 2163
B417
1896

1896

1896

Редакторъ
Ө. И. Булгаковъ.

Издатель
Г. Ф. Пантелеевъ.

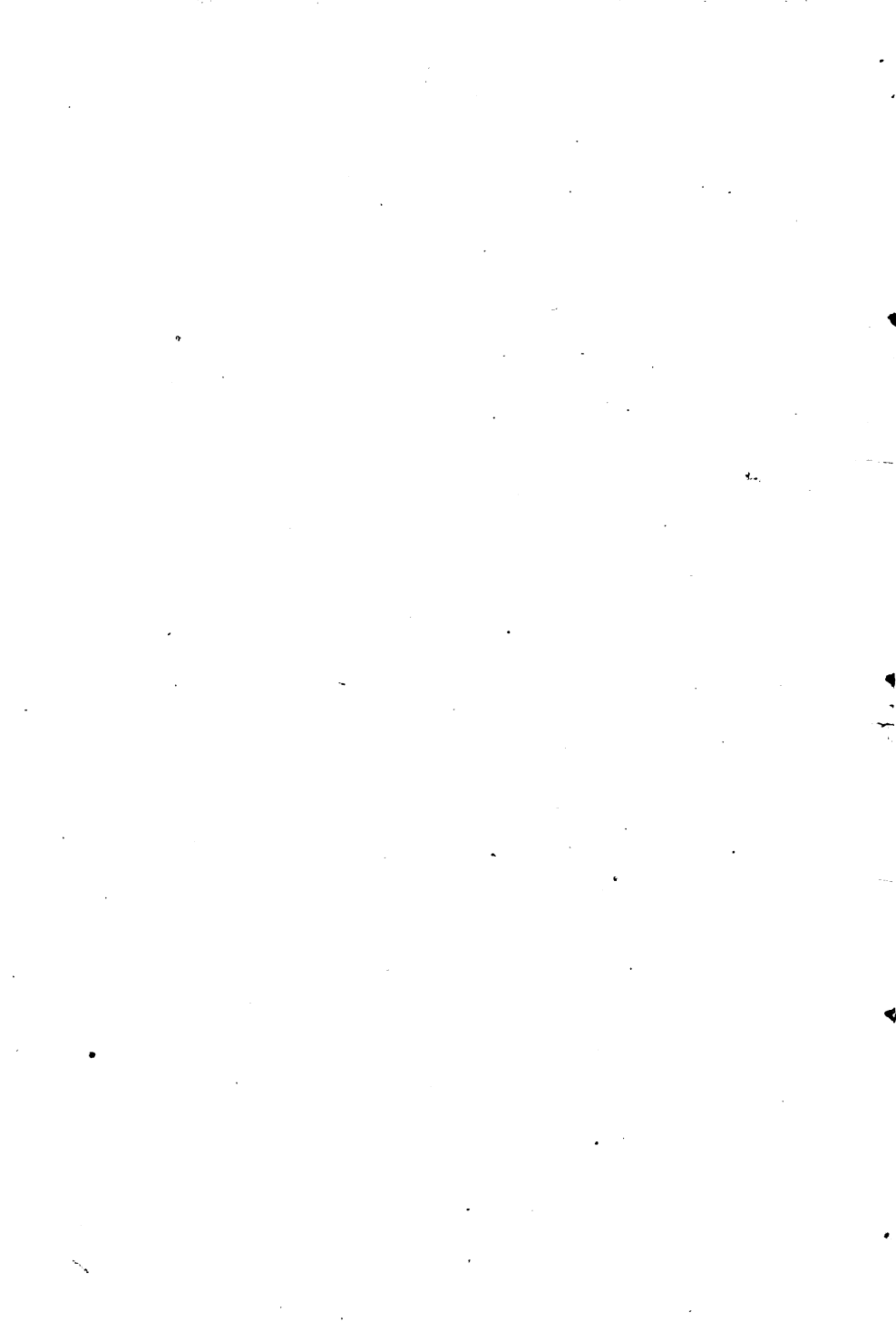
3.12

БЕАТРИСА

РОМАНЪ.

ПЕРЕВОДЪ А. В. ПОГОЖЕВОЙ.

84-В20150-1

Сарѣ.

У береговъ Средиземнаго моря, тамъ, гдѣ нѣкогда находилось государство, носившее ваше имя, въ ясную погоду просвѣчиваетъ сквозь прозрачную глубь моря цвѣтокъ рѣдкой красоты; но вса его прелесть—свѣжесть красокъ, причудливая форма и бархатистость узорчатой ткани, испещренной пурпуровыми, розовыми и лиловыми жилками,—все блѣднѣетъ и пропадаетъ, какъ только цвѣтокъ попадаетъ на берегъ. Такъ яркій свѣтъ гласности оскорбилъ бы вашу скромность. Поэтому, посвящая вамъ свое произведение, я вынужденъ утаить имя, которое составило бы гордость этой книги.

Но, благодаря моему остроумному умалчиванію, быть можетъ, ваши дивныя ручки пошлютъ ей напутственное благословеніе, ваше лучезарное чело склонится надъ ея страницами въ тихой задумчивости, ваши глаза, полные материнской любви, привѣтливо улыбнутся ей, и вашъ духъ будетъ парить надъ моимъ трудомъ, а сами вы останетесь скрытой отъ всѣхъ. Подобно тому чудному цвѣтку, вы будете покоиться на морскомъ днѣ, прозрачномъ и безмятежномъ, какъ ваша жизнь, и, какъ и онъ, будете защищены волнами отъ нескромныхъ взоровъ и видимы только немногимъ преданнымъ друзьямъ. Я хотѣлъ бы повергнуть къ вашимъ стопамъ произведение, которое гармонировало бы съ вашимъ совершенствомъ; но если это окажется несбыточнымъ, то у меня останется то утѣшеніе, что я, отвѣчая вашимъ душевнымъ склонностямъ, доставляю вамъ лишній случай быть добрымъ гениемъ моей книги.

Де-Бальзакъ.

Часть первая.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Во Франціи, а въ Бретани въ особенности, уцѣлѣло еще до нашихъ дней нѣсколько городковъ, которыхъ совершенно не коснулось социальное движеніе, характеризующее XIX вѣкъ. Не имѣя постоянныхъ и оживленныхъ сношеній съ Парижемъ, и благодаря плохимъ дорогамъ, только изрѣдка сообщаясь даже съ субъ-префектурой и съ своимъ губернскимъ городомъ, эти мѣстечки только въ качествѣ зрителей принимаютъ участіе въ ходѣ цивилизаціи и, невольно удивляясь ея быстрому распространенію, не выражаютъ при этомъ никакихъ знаковъ одобренія: они остаются вѣрны вкоренившимся въ нихъ обычаямъ старины и не то подсмѣиваются надъ прогрессомъ, не то робѣютъ передъ нимъ. Если бы какой-нибудь археологъ вздумалъ отправиться путешествовать съ цѣлью произвести научныя изысканія не въ области минералогіи, а надъ людьми, то въ одной изъ деревушекъ Прованса онъ увидалъ бы точное воспроизведеніе временъ Людовика XV, въ дальнемъ уголкѣ Пуату онъ нашелъ бы во всей ея неприкосновенности жизнь вѣка Людовика XIV, а въ глухихъ мѣстностяхъ Бретани—правы еще болѣе отдаленныхъ вѣковъ. Большинство такихъ городковъ имѣетъ свое славное прошлое, но о причинахъ ихъ упадка намъ ничего не говорятъ историки, которые вообще интересуются гораздо болѣе фактами и хронологіей, чѣмъ нравами и обычаями; но тѣмъ не менѣе воспоминаніе о быломъ величіи живетъ въ памяти Бретонцевъ, которые, въ качествѣ горячихъ патриотовъ, свято хранятъ преданія о прошломъ своей страны. Многіе изъ этихъ городковъ были когда-то столицами маленькихъ феодальныхъ государствъ, разныхъ графствъ, герцогствъ, завоеванныхъ впоследствии королемъ или раздѣленныхъ между наслѣдниками за прекращеніемъ мужской линіи потомства.

Оставшись съ тѣхъ поръ не у дѣлъ, города эти, бывшіе когда-то властелинами надъ другими, стали теперь простыми рабочими силами, которыя прозябають и сохнутъ за неимѣніемъ никакой поддержки. Впрочемъ, за послѣднія тридцать лѣтъ такіе остатки старины стали попадаться все рѣже. Промышленность, работающая теперь для толпы, безпощадно истребляетъ созданія средне-вѣкового искусства, гдѣ на первомъ планѣ стояла индивидуальность какъ художника, такъ и потребителя. Теперь у насъ много ремесленныхъ издѣлій, но нѣтъ почти геніальныхъ твореній. Всѣ древніе памятники считаются въ наши дни своего рода археологическими рѣдкостями; съ точки зрѣнія промышленности важны только каменоломни, копи селитры, да склады хлопка. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и послѣдніе своеобразные городки утратятъ свою оригинальную фizioномію, и развѣ только на страницахъ этого очерка сохранится точное описаніе этихъ памятниковъ старины.

Геранда—одинъ изъ городковъ, гдѣ наиболѣе вѣрно сохранился духъ феодализма. Самое его имя должно пробудить тысячу воспоминаній у художниковъ, артистовъ и мыслителей и вообще у всѣхъ туристовъ, когда-либо посѣтившихъ этотъ городокъ, этотъ перлъ феодальныхъ временъ, властвовавшій надъ моремъ и залитомъ съ вершины холма, по склонамъ котораго расположены не менѣе интересные для наблюдателя—Круазигъ и мѣстечко Батцъ. Послѣ Геранды развѣ только Витре, находящійся въ центрѣ Бретани, и Авиньонъ на югѣ сохранили въ полной неприкосновенности свой средне-вѣковый видъ. Геранда и до нашихъ дней окружена крѣпкими стѣнами: ея рвы полны водою, зубцы стѣнъ всѣ цѣлы, бойницы не закрыты деревьями, квадратныя и круглыя башни не перевиты плющемъ. Сохранились и трое воротъ съ кольцами отъ опускаемыхъ рѣшетокъ; войти въ городъ нельзя иначе, какъ черезъ подъемный мостъ изъ дерева, скрѣпленнаго желѣзомъ: мостъ больше не поднимается, но его можно было бы поднять. Городская мѣрія получила выговоръ за то, что въ 1820 г. насадила тополя вдоль водоотводныхъ каналовъ, чтобы гуляющіе могли пользоваться тѣнью. Мѣрія возразила на это, что вотъ уже цѣлое столѣтіе, какъ длинная, красивая площадь около дюнъ, гдѣ находятся укрѣпленія, усаженная рядомъ тѣнистыхъ вязей, обращена въ мѣсто прогулки, излюбленное всѣми городскими жителями. Дома въ этой части города ни на іоту не измѣнили своего стариннаго первоначальнаго вида: они и не увеличились и не уменьшились. Ни одинъ домъ не ощутилъ на своемъ фасадѣ молотка архитектора или кисти маляра, ни одинъ не почувствовалъ тяжести надстроеннаго этажа. Всѣ они сохранили свой первобытный видъ.

Нѣкоторые дома подперты деревянными столбами, образующими галерею, по которымъ проходятъ жители и доски которыхъ гнутся, но не ломаются. Дома купцовъ всѣ очень низки и малы, съ черепичными фасадами. На окнахъ уцѣлѣли рельефныя украшенія изъ перегнивашаго дерева, и мѣстами еще видны какія-то уродливыя фигуры людей и фантастическихъ животныхъ, которыя когда-то волшебной силой искусства дышали полной жизненностью. Эти уцѣлѣвшіе остатки старины особенно должны нравиться художникамъ своими темными красками и полуизгладившимися очертаніями. Улицы остались такими же, какъ и четыреста лѣтъ тому назадъ. Но такъ какъ число жителей не велико и общественная жизнь мало замѣтна, то, если бы какой-нибудь туристъ полюбопытствовалъ осмотрѣть этотъ городъ, прекрасный, какъ старинное вооруженіе, то ему пришлось бы въ грустномъ одиночествѣ ходить по пустынной улицѣ, гдѣ часто въ домахъ попадаются окна, замазанныя глиной во избѣжаніе лишняго налога. Эта улица ведетъ къ выходу изъ города, гдѣ теперь возвышается стѣна и гдѣ живописно раскинулась группа деревьевъ, насаженныхъ рукой богатой бретонской флоры: рѣдко гдѣ можно встрѣтить во Франціи подобную разнообразную и роскошную растительность, какъ въ Бретани. Поэтъ или художникъ, случайно занесенный судьбой въ эти мѣста, навѣрное долго просидѣлъ бы здѣсь, наслаждаясь безмятежнымъ покоемъ, царящимъ подъ этими сводами, куда не долетаетъ никакого шума изъ тихаго городка; бойницы, гдѣ въ былыя времена помѣщались стрѣлки, теперь имѣютъ видъ окошечекъ-бельведеровъ, съ чуднымъ видомъ на окрестности. Гуляя по городу, нельзя не перенестись мысленно къ обычаямъ и правамъ старины: сами камни говорятъ вамъ о ней и много старинныхъ воззрѣній уцѣлѣли и до нашихъ дней. Появленіе здѣсь жандарма въ обшитой галуномъ шапкѣ покажется вамъ своего рода анахронизмомъ, непріятно поражающимъ вашъ взглядъ; но здѣсь рѣдко можно встрѣтить лица и вещи современнаго намъ міра. Жители избѣгаютъ даже современной одежды и выбираютъ изъ нея только то, что гармонируетъ съ ихъ застывшимъ бытомъ и неподвижностью. На рынкахъ можно встрѣтить бретонцевъ въ оригинальныхъ мѣстныхъ одеждахъ, ради которыхъ сюда нарочно пріѣзжаютъ художники. Бѣлая холщевая одежда рабочихъ, добывающихъ соль изъ солончаковыхъ болотъ, представляетъ рѣзкій контрастъ съ синими и коричневыми куртками крестьянъ и съ оригинальными старинными головными уборами женщинъ. Тутъ же толкаются и моряки въ матросскихъ и круглыхъ лакированныхъ шляпахъ: всѣ эти слои общества здѣсь такъ же строго разграничены между собой, какъ индійскія касты, такъ что здѣсь еще уцѣ-

лѣло раздѣленіе жителей на три класса: на горожанъ, дворянъ и духовенство. Революція не могла осилить эти старинныя, плотно вкоренившіяся традиціи, быть можетъ, потому, что здѣшніе жители точно окаменѣли въ своемъ развитіи; здѣсь природа одѣлила людей такой же неспособностью къ видоизмѣняемости, какую мы видимъ въ царствѣ животныхъ. Даже послѣ революціи 1830 г., Геранда продолжала представлять совершенно особенный городъ, съ яркимъ отпечаткомъ національныхъ, бретонскихъ чертъ, городъ крайне благочестивый, молчаливый, сосредоточенный, точно застывшій въ своей неподвижности и мало знакомый съ новыми вѣяніями.

Географическое положеніе Геранды объясняетъ причину этого явленія. Красивый городокъ этотъ расположенъ среди обширныхъ солончаковыхъ болотъ, такъ что добываемая здѣсь соль называется въ Бретани солью Геранды. Бретонцы гордятся ея высокимъ качествомъ и увѣряютъ, что только благодаря ея достоинству ихъ масло и сардины пользуются такой извѣстностью. Геранда соединяется съ Франціей только двумя дорогами — одна ведетъ въ уѣздный городъ Савене и проходитъ мимо С.-Вазера; другая ведетъ въ Ваннъ и соединяетъ Геранду съ Морбиганомъ. Первый способъ сообщенія — сухопутный — ведетъ въ Нантъ, но пользуется имъ только администрація; самый же скорый и общепотребительный способъ передвиженія отъ С.-Вазера до Нанта — моремъ. Но между С.-Вазеромъ и Герандой, по крайней мѣрѣ, шесть лье и не ходятъ почтовые дилижансы, потому что едва-ли наберется три пассажира въ годъ. С.-Вазерь отдѣленъ отъ Пембѣфа устьемъ Луары, имѣющей здѣсь четыре лье въ ширину. Песчаная мель очень затрудняетъ движеніе пароходовъ, и къ тому же въ 1829 г. у С.-Вазера не было пристани, такъ что, благодаря острымъ утесамъ, гранитнымъ рифамъ и огромнымъ камнямъ, которые представляютъ естественныя укрѣпленія для находящейся здѣсь живописной церкви, путешественники принуждены были подплывать къ берегу въ бурную погоду на лодкахъ, а въ хорошую — пробираться между скалами до мола, который тогда еще только строился. Быть можетъ, всѣ эти препятствія, конечно, вовсе не располагавшія случайныхъ туристовъ къ подобнымъ экскурсіямъ, существуютъ и до сихъ поръ. Во-первыхъ, администрація очень медлительна въ своихъ дѣйствіяхъ, а во-вторыхъ, жители этого клочка земли, выступающаго мысомъ на картѣ Франціи и простирающагося отъ С.-Вазера до городковъ Батца и Круазига, даже довольны этими неудобствами, потому что, благодаря имъ, страна ихъ защищена отъ вторженія иностранцевъ. Геранда — крайній пунктъ этой территоріи, и такъ какъ изъ нея ѣхать дальше некуда, то въ нее ни-кто и не ѣздитъ, такъ что этотъ городокъ, счастливый своей неиз-

вѣстностью, поглощенъ исключительно своими интересами. Центръ соляного промысла, одѣ пошлины съ котораго даютъ казнѣ не менѣе милліона франковъ дохода, находится въ Круазигѣ, лежащемъ на полуостровѣ. Отсюда можно поѣхать въ Геранду или по сыпучимъ пескамъ, которые ночью заносятъ слѣды, оставленные днемъ, или на лодкахъ по морскому заливу, который служить портомъ для Круазига и нерѣдко затопляетъ пески. Этотъ живописный городокъ представляетъ изъ себя своего рода Геркуланумъ феодальныхъ временъ съ тою только разницей, что онъ не былъ погребенъ подъ лавой. Онъ продолжаетъ стоять, хотя жизни въ немъ нѣтъ и если онъ еще существуетъ, то только потому, что никто его не разрушилъ. Проѣзжая въ Геранду черезъ Круазигъ, мимо солончаковыхъ болотъ, невольно поражаешься видомъ грандіозныхъ каменныхъ построекъ, еще совершенно не тронутыхъ временемъ. Красота мѣстоположенія и наивная прелесть окрестностей со стороны С.-Вазера очаровываютъ взглядъ. Кругомъ разстилаются чудныя, красивыя мѣста, изгороди пестрятъ цвѣтами, жимолостью, буксомъ, пиповникомъ и другими красивыми растеніями — настоящей англійской садъ, распланированный геніальнымъ художникомъ. Эта богатая дѣвственная природа вдругъ открывается передъ вами и радуется взору, точно букетъ цвѣтущихъ ландышей или фіалокъ, неожиданно открытый вами въ глухой лѣсной чащѣ. Красота вида особенно выигрываетъ отъ того, что кругомъ разстлана Африканская пустыня, а за ней — океанъ; кругомъ — голая, безъ всякаго признака растительности, безконечная пустыня, гдѣ не слышно пѣнія птицъ, гдѣ въ солнечные дни рабочіе, добывающіе соль, похожи въ своихъ бѣлыхъ одеждахъ на арабовъ, закутанныхъ въ бурнусы. Вообще Геранда представляетъ изъ себя нѣчто невиданное туристами во Франціи по контрасту своего живописнаго мѣстоположенія съ разстилающейся рядомъ мертвой пустыней, отъ Круазига до Батца. Такая рѣзкая перемена въ природѣ поражаетъ зрителя. Самъ городъ производитъ крайне мирное, пріятное впечатлѣніе: онъ молчаливъ, какъ Венеція. Здѣсь вы не встрѣтите другихъ экипажей, кромѣ телѣжки почтальона, который перевозитъ пассажировъ и доставляетъ покупки и корреспонденцію изъ С.-Вазера въ Геранду и обратно. Почтальонъ Бернушъ былъ въ 1829 г. довѣреннымъ лицомъ всего округа: всѣ его знали и давали ему всевозможныя порученія. Здѣсь считалось цѣлымъ событіемъ, если мимо проѣдетъ экипажъ: какая-нибудь женщина проѣздомъ черезъ Геранду въ Круазигъ, или больные, ѣдущіе на морскія купанья, которыя своими цѣлебными свойствами значительно превосходятъ морскія купанья въ Болоннѣ, Діенпѣ и Саблѣ.

Крестьяне ѣздятъ исключительно верхомъ и въ дорогу запасаются ѣдой въ мѣшкѣ. Они, какъ и рабочіе, пріѣзжаютъ въ городъ за покупкой разныхъ украшеній, которыя получаетъ въ подарокъ каждая бретонская невѣста, или за холстомъ и сукномъ. На десять лье въ окружности Геранда все та же нѣкогда славная Геранда, гдѣ былъ заключенъ извѣстный въ исторіи договоръ, она—береговой центръ, гдѣ, какъ и въ Батцѣ, доселѣ сохранились нѣкоторые остатки былого величія. Украшенія, сукно, холстъ, ленты, шляпы—работаются вовсе не здѣсь, но обыватели продолжаютъ думать, что все это идетъ изъ Геранды. Проѣзжая по городу, всякій художникъ и даже простой смертный невольно принимается мечтать, подобно тѣмъ, кому удалось повидать Венецію, мечтать о томъ, какъ бы хорошо было мирно докончить здѣсь свое существованіе среди полного покоя, довольствуясь прогулкой по городской площади отъ однихъ воротъ до другихъ. Временами древній образъ Геранды снова встаетъ въ вашемъ воображеніи: увѣнчанная башнями, опоясанная стѣнами, она красуется въ своемъ роскошномъ одѣяніи, усыпанномъ чудными цвѣтами, потрясая золотой мантией дюнкъ; она вся точно дышетъ опьяняющимъ ароматомъ лѣсныхъ, цвѣтушихъ тропинокъ, она овладѣваетъ вашимъ воображеніемъ и манитъ къ себѣ, точно какая-нибудь таинственная красавица, которую вы встрѣтили въ далекой странѣ и чей образъ съ тѣхъ поръ царитъ въ вашемъ сердцѣ.

Около церкви въ Герандѣ есть домъ, который составляетъ для города то же, что городъ для всей страны, то есть онъ представляетъ точное воспроизведеніе минувшей эпохи, онъ есть символъ утеряннаго величія, онъ поэзія старины. Домъ этотъ принадлежитъ одной знатнѣйшей мѣстной фамиліи де-Гуэзникъ, которая нѣкогда богатствомъ и древностью рода настолько же была выше дю-Гекленовъ, насколько троянцы превосходили въ этомъ отношеніи римлянъ. Фамилія дю-Гекленовъ произошла отъ де-Гуэзникъ черезъ послѣдовательное измѣненіе орографіи этого имени. Гуэзники, древніе какъ бретонскій гранитъ, не были ни франками, ни галлами, они бретонцы или, еще вѣрнѣе, кельты. Нѣкогда они навѣрно были друидами; собирали омелу въ священныхъ рощахъ и совершали на древнихъ жертвенникахъ человѣческія жертвы. Но бесполезно перечислять, чѣмъ они были раньше. Эта фамилія, пренебрегшая княжескимъ титуломъ, по знатности равняется Роганамъ и встрѣчается въ исторіи гораздо раньше предковъ Гуго Капета; потомки этого никогда не вступавшаго въ брачные союзы съ другими не родственными домами владѣютъ теперь приблизительно двумя тысячами ливровъ годового дохода, домомъ въ Герандѣ и небольшимъ родовымъ замкомъ. Всѣ земли, принадлежа-

щія этому первому бретонскому роду, заложены фермерамъ и приносятся, несмотря на далеко не образцовую обработку, приблизительно до шестидесяти тысячъ ливровъ. Гуэзники номинально считаются владѣльцами этихъ земель, но, не будучи въ состояніи возвратить капитала, переданнаго двѣстилѣтъ тому назадъ въ ихъ руки арендаторами земель, они не пользуются доходами. Они пахотятся въ положеніи французскаго королевскаго дома съ его кредиторами до 1789 года. Гдѣ и когда бароны де-Гуэзники найдутъ данный имъ когда-то миллионъ? До 1789 года замокъ Гуэзниковъ получалъ отъ своихъ ленниковъ до пятидесяти тысячъ ливровъ, но Національное собраніе декретомъ уничтожило право владѣльцевъ взимать подати съ своихъ крестьянъ.

При такомъ положеніи дѣлъ, представители этого доблестнаго рода, утратившаго теперь всякое значеніе, стали бы въ Парижѣ мишенью для насмѣшекъ, здѣсь же они служатъ представителями всей Бретани и напоминаютъ бретонцамъ славное прошлое ихъ страны. Баронъ де-Гуэзникъ по прежнему считается однимъ изъ главнѣйшихъ бароновъ Франціи, выше котораго нѣтъ никого, кромѣ короля. Теперь фамилія Гуэзниковъ, имѣвшая огромное значеніе въ исторіи, извѣстна только бретонцамъ: свѣдѣнія о ней можно получить въ Шуанахъ или Бретанѣ въ 1799 г., правописаніе этой фамиліи подвергалось разнымъ измѣненіямъ, искажившимъ ее, какъ и фамилію Гуэжленовъ. Теперь сборщикъ податей пишетъ ее, какъ и всѣ: Геникъ.

Въ глубинѣ темнаго и сырого переулка, между заборами со-сѣднихъ домовъ, виднѣется арка воротъ, какъ разъ настолько широкихъ и высокихъ, чтобы въ нихъ могъ свободно вѣхаться всадникъ: обстоятельство, указывающее на то, что постройка эта относится еще къ той эпохѣ, когда экипажей не существовало. Арка, поддерживаемая двумя столбами, вся гранитная. Ворота изъ потрескавшагося дуба усажены огромными гвоздями, составляющими разныя геометрическія фигуры. На гранитной аркѣ изображенъ гербъ де-Гуэзниковъ, настолько хорошо сохранившійся, что можно подумать, что онъ только что вышелъ изъ рукъ скульптора. Щитъ этого герба привелъ бы въ восторгъ знатока геральдики своей простотой, въ которой сказалась древность и фамильная гордость этого рода. Гербъ остался все въ томъ же видѣ, какъ и во время крестовыхъ походовъ, когда христіане придумали себѣ разныя аллегорическіе рисунки для того, чтобы легче отличать своихъ. Гуэзники ничего не измѣнили и ничего не выкинули изъ своего герба, онъ остался такъ же неизмѣненъ, какъ и гербъ французскаго королевскаго дома, который въ искаженномъ и сокращенномъ видѣ можно еще встрѣтить на гербахъ старинныхъ

дворянскихъ фамилій. Вотъ гербъ Гуэзниковъ въ томъ видѣ, какъ его можно видѣть въ Герандѣ: на красномъ фонѣ рука, въ горностаѣ, держитъ острую, длинную серебряную шпагу, а надъ этимъ грозный девизъ: «Дѣйствуй!» Развѣ такой гербъ не чудо красоты? Надъ щитомъ изображена баронская корона, усыпанная жемчугомъ; блестящія украшенія герба почти полностью сохранились до сихъ поръ. Художникъ придавъ рукѣ необыкновенно горделивый и энергичный взмахъ. Какъ смѣло и мужественно держитъ она шпагу, съ которой такъ часто приходилось имѣть дѣло де-Гуэзникамъ! Если вамъ случится быть въ Герандѣ послѣ того, какъ вы прочтете этотъ рассказъ, то вы, навѣрно, не будете въ состояніи смотрѣть на этотъ гербъ безъ нѣкотораго душевнаго волненія. Да и самый арыый республиканецъ былъ бы тронутъ той вѣрностью, тѣмъ величіемъ и благородствомъ, какими отличались всѣ члены этой фамиліи. Де-Гуэзники много совершили великихъ дѣлъ въ прошедшемъ и всегда готовы совершать ихъ и въ будущемъ. Дѣйствовать — вотъ славный девизъ рыцарства. «Ты хорошо дѣйствовалъ на войнѣ», — говаривалъ, бывало, верховный коннстабль, знаменитый дю-Гекленъ, изгнавшій англичанъ изъ Франціи. Подобно тому, какъ въ полной цѣлости сохранился гербъ, благодаря предохранившему его выступу арки, такъ и самый девизъ герба свято и ненарушимо сохраняется членами этой фамиліи. Въ открытыя ворота виденъ довольно большой дворъ, направо находится конюшня, навѣо—кухня. Весь домъ сложенъ изъ каменныхъ плитъ отъ подваловъ до чердака. Фасадъ со стороны двора имѣетъ каменное крыльцо съ двойнымъ рядомъ перилъ; на площадкѣ еще виднѣются полустертые скульптурныя украшенія, въ которыхъ опытный глазъ увидалъ бы изображеніе той же руки со шпагой. Подъ этимъ красивымъ крыльцомъ, украшеннымъ поломанной кое-гдѣ рѣзбой, была ниша, гдѣ помѣщалась цѣпная собака; перила, растрескавшіяся отъ времени, покрылись мхомъ и цвѣточками, точно такъ же, какъ и покривившіяся, но не утратившія своей прочности ступеньки. Входная дверь очень красива и, насколько можно теперь судить, произведеніе художника венеціанской школы XIII вѣка. Въ ней замѣчается какое-то странное смѣшеніе византійскаго и мавританскаго стилей. Надъ ней находится выпуклый выступъ, покрытый розовыми, желтыми, голубыми или темными цвѣтами, смотря по сезону. Дубовая дверь ведетъ въ большую залу, въ глубинѣ которой находится дверь съ такимъ же крыльцомъ, по спускающимся уже въ садъ. Зала эта удивительно сохранилась. Панели ея—каштановаго дерева; стѣны покрыты великолѣпной испанской кожей съ рельефными фигурами, позолота кое-гдѣ потрескалась и покраснѣла отъ времени. По-

толокъ сложенъ изъ красиво вызолоченныхъ и раскрашенныхъ досокъ. Позолота на нихъ едва замѣтна, но краски еще уцѣлѣли. Очень возможно, что если бы тщательно смыть накопившуюся грязь, то на потолокъ оказалась бы чудная живопись, подновленная, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ царствованіе Людовика XI, какъ въ Турѣ, въ домѣ Тристана. Каминъ—огромныхъ размѣровъ съ такимъ вѣстительнымъ очагомъ, что въ него сразу можно было положить чуть не сажень дровъ. Зальная мебель вся дубовая съ фамильнымъ гербомъ на спинкахъ. По стѣнамъ развѣшаны три англійскихъ ружья, одинаково пригодныхъ и для охоты и для войны, три сабли и рыболовные и охотничьи принадлежности.

Рядомъ находится столовая, сообщающаяся съ кухней посредствомъ дверки, продѣланной въ угловой башенкѣ: въ фасадѣ дома, выходящемъ на дворъ, этой башенкѣ соответствуетъ такая же башенка съ винтовой лѣстницей, ведущей въ верхніе этажи. Столовая обита ткаными шпалерами XIV вѣка, о чемъ свидѣтельствуесть стиль и ореографія надписей подъ изображенными фигурами: надписи же не переводимы, благодаря ихъ старинному слогу. Обои хорошо сохранились въ тѣхъ мѣстахъ, куда свѣтъ мало проникаетъ; они окружены панелью изъ дуба съ инкрустациями; дубъ отъ времени совершенно потемнѣлъ. Потолокъ сложенъ изъ выпуклыхъ бревенъ съ различными украшеніями; пространство между бревнами занято окрашенными въ голубой цвѣтъ досками съ золотыми гирляндами. Въ столовой стоятъ два буфета для посуды. На полкахъ, за образцовой чистотой которыхъ особенно слѣдитъ кухарка Мариотта, стоятъ, какъ и въ тѣ времена, когда короли въ 1200 г. были такъ же бѣдны, какъ де-Гуэзники въ 1830 г., четыре старыхъ серебряныхъ бокала, такая же погнутая суповая чашка и двѣ солонки; затѣмъ масса оловянныхъ тарелокъ, множество каменныхъ голубовато-сѣрыхъ горшковъ съ украшеніями ввидѣ арабесокъ и съ гербомъ де-Гуэзниковъ: все это прикрито оловянной крышкой. Каминъ, повидимому, подновленъ, и вообще по всему видно, что, начиная съ предыдущаго вѣка, въ этой комнатѣ всего чаще сидятъ члены семейства. Каминъ, въ стилѣ Людовика XV, выдѣланъ изъ камня съ скульптурными украшеніями и по срединѣ его помѣщается зеркало въ золоченой рамкѣ: послѣднее обстоятельство навѣрное покорило бы художника. Подзеркальникъ обитъ краснымъ бархатомъ и на немъ стоятъ два оригинальныхъ серебряныхъ канделябра и черепаховые часы съ мѣдными инкрустациями. По срединѣ комнаты находится большой квадратный столъ съ витыми ножками. Стулья деревянные, обитые матеріей. На кругломъ столикѣ на одной ножкѣ, имѣющемъ форму виноградной кисти и стоящемъ у окна, помѣщается оригинальная лампа.

Она состоитъ изъ стекляннаго шара, размѣромъ немного меньше страусоваго яйца; острый, длинный конецъ его входитъ въ подставку. Изъ верхняго отверстія между двумя мѣдными желобками выходитъ плоскій фитиль, нижній конецъ котораго, согнутый подобно стеблю въ бокалъ, плаваетъ въ орѣховомъ маслѣ, наполняющемъ резервуаръ. Къ комнатѣ два окна: одно выходитъ въ садъ, а другое, напротивъ него, на дворъ, и оба обложены каменными плитами; въ окна вставлены шестигранныя стекла, крѣпко соединенныя свинцомъ; надъ ними висятъ занавѣси изъ старинной красной шелковой матеріи съ желтымъ отливомъ, называвшейся нѣкогда брокателью.

Въ каждомъ изъ двухъ этажей всего по двѣ комнаты. Первый этажъ занималъ глава семьи, а второй предназначался для дѣтей. Гости помѣщались въ антресоляхъ. Слуги ютились въ чердакахъ надъ кухнями и конюшнями. По срединѣ остроконечной крыши находилось большое окно съ скульптурными украшеніями, а надъ нимъ до сихъ поръ скрипитъ еще флюгеръ.

Нельзя опустить еще одной подробности, которая имѣетъ большое значеніе для археологовъ. По винтовой лѣстницѣ, которая находится въ угловой стрѣльчатой башенкѣ, можно черезъ небольшую дверцу выйти къ тому мѣсту, гдѣ домъ прикасается къ каменной оградѣ со стороны конюшенъ. Такая же башенка есть и у сада, но для разнообразія она имѣетъ пяти-угольную форму и заканчивается маленькой колоколенкой. Вотъ какъ искусно варьировали тогдашніе архитекторы форму построекъ. Въ первомъ этажѣ эти двѣ башенки соединены каменной галлереей, украшенной разными фигурами съ человѣческими лицами. Эта галлерея украшена удивительно изящно сдѣланной балюстрадой, а на фасадѣ дома сдѣланъ изъ камня навѣсъ, вродѣ тѣхъ балдахиновъ, какіе встрѣчаются въ церквахъ надъ статуями святыхъ. Въ обѣихъ башенкахъ прорублены двери съ стрѣльчатымъ кружаломъ, входящимъ на галлерею. Вотъ какъ украшали архитекторы XIII вѣка фасады домовъ, которые у насъ теперь имѣютъ всегда такой холодный, бѣдный видъ. Не представляете-ли вы себѣ мысленно красавицу, которая выходила бывало по утрамъ на балконъ и любовалась, какъ солнце золотило морской песокъ и играло въ водахъ Океана? Развѣ не восхитителенъ этотъ фасадъ дома, весь покрытый скульптурой, съ двумя угловыми башенками, изъ которыхъ одна закруглена наверху, точно гнѣздо ласточки, а другая заканчивается стрѣльчатой дверкой, надъ которой изображена рука, вооруженная шпагой? Симметрія, которой тщательно придерживались архитекторы того времени, здѣсь соблюдена въ томъ, что со стороны сада есть тоже башенка, вполне похожая на ба-